

ЕКАТЕРИНА
МОРДВИНЦЕВА

РАЗВОД в 45

Прости и отпусти

Екатерина Мордвинцева

Развод в 45. Прости и отомсти

«Литнет»

2026

Мордвинцева Е.

Развод в 45. Прости и отомсти / Е. Мордвинцева — «Литнет», 2026

Ольга Володина была идеальной женой 25 лет. Ужины, дети, чертежи по ночам — всё для мужа, который строил империю на лжи и изменах. Всё рухнуло в один вечер: чемодан, кружево на подушке, женский смех из душа. Но вместо слёз Ольга выбрала сталь. Папка «Мсть», скандальный адвокат, показания брошенных любовниц и разорённых партнёров — она идёт до конца. И на этом пути встречает Дмитрия — мужчину, который не боится её силы. Но готова ли она сама довериться? И что важнее — уничтожить прошлое или построить будущее?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	14
Глава 2	23
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Пролог

Ольга любила этот момент.

Когда тяжелая дубовая дверь конференц-зала захлопывалась за спиной последнего инвестора, и можно было наконец выдохнуть — не сдержанно, вежливо, как учили на курсах ораторского мастерства, а по-настоящему: широко, жадно, всем телом. Презентация проекта «Небесные террасы» длилась четыре часа — четыре часа непрерывного напряжения, улыбок, точных цифр и уклончивых ответов на дурацкие вопросы вроде «А не кажется ли вам, что стеклянные перила — это риск для детей?».

Она справилась. Как всегда.

В свои сорок пять Ольга Володина выглядела так, будто время не смело к ней приближаться. Высокая, стройная, с густыми темно-русыми волосами, которые она собирала в низкий пучок — строго, элегантно, без попытки выглядеть на двадцать пять. На шее — тонкая платиновая цепочка, подарок мужа на двадцатилетие свадьбы. На безымянном пальце — обручальное кольцо, которое она не снимала никогда, даже на пляже, даже в бассейне, даже когда руки опухали от жары и металл впивался в кожу.

Кольцо стало частью её. Как дыхание. Как привычка называть Виктора «мой хороший» даже после того, как он в сотый раз забыл про годовщину.

— Ольга Александровна, вы гений, — сказал её младший партнёр Андрей, собирая разбросанные по столу чертежи. — Они клюнули. Все три инвестиционных пакета. Вы слышали, что сказал этот старый хрыч из «СтройКапитала»? «Таких проектов я не видел со времен моей молодости». Это успех.

— Это работа, — поправила Ольга, пряча улыбку. — Чужая работа, которую я переделала за них.

Она посмотрела на часы. Половина восьмого вечера. Пятница. Виктор обещал встретить её в ресторане, но она отменила ужин еще утром, когда поняла, что презентация затянется. Написала ему короткое сообщение: «Любимый, сегодня поздно. Закажи себе что-нибудь вкусное. Целую». Он ответил через три минуты: «Ок». Одно слово. Без смайлика. Без «я скучаю». Просто «ок».

Ольга тогда не придавала этому значения. Мужчинам свойственна краткость, особенно тем, кто рулит строительной компанией с оборотом в полмиллиарда. Виктор устает. Виктор занят. Виктор — добытчик, глава семейства, и не обязан каждые пять минут рассыпаться в нежностях. Она так решила много лет назад, когда поняла, что ждать от него стихов и серенад бесполезно. И смирилась.

Она вообще много с чем смирилась за двадцать пять лет брака.

— Вы домой? — спросил Андрей. — Я подброшу?

— Нет, спасибо. Я на такси. Устала, хочу побыть одна.

Она не хотела быть одна. Она просто привыкла не обременять.

В такси она смотрела на вечерний город — на витрины бутиков, на парочки, которые шли под руку, на женщину с коляской, которая разговаривала по телефону и смеялась. Обычная жизнь. Чужая жизнь. У Ольги всё было иначе: дорого, стабильно, правильно. Дом с панорамными окнами. Двое взрослых детей, которые учились в Лондоне и приезжали только на Рождество. Редкие ужины с мужем, когда они сидели за длинным столом друг напротив друга и говорили о счетах, ремонте, детях и никогда — о себе.

«Может, купить бутылку красного? — подумала Ольга. — Выпить в ванной, расслабиться. Завтра можно поспать до десяти».

Она не знала, что это последняя мирная мысль в её жизни.

Лифт поднимался на седьмой этаж с привычной плавностью. Ольга расстегнула верхнюю пуговицу жакета — узкого, темно-синего, от Хьюго Босса. Жакет был куплен в прошлом году на распродаже, и она тогда долго сомневалась: не слишком ли дорого для вещи, которую наденешь пару раз в месяц? Виктор, увидев чек, поморщился: «У тебя их уже двадцать. Зачем тебе двадцать первый?». Он не понимал, что каждому жакету — своя роль. Этому — роль победительницы. В нём она подписывала контракты, выигрывала тендеры, доказывала мужчинам-архитекторам, что женщина в их мире — не декорация, а сила.

Сегодня жакет сделал своё дело.

Ольга достала ключи — тяжелую связку с брелоком в виде Эйфелевой башни, подарком сына из первой самостоятельной поездки. Замок щелкнул мягко, дверь открылась беззвучно — Виктор недавно поставил новую систему, с доводчиками и шумоизоляцией. «Чтобы не слышать лифт, когда смотришь футбол», — объяснил он.

Коридор тонул в мягком полумраке. Горел только торшер у зеркала — тот самый, который Ольга выбирала три года в итальянском салоне. Виктор тогда сказал: «Дорого», но купил, потому что был в хорошем настроении — получил крупный подряд на строительство торгового центра.

Ольга скинула туфли — лодочки на восьмисантиметровом каблуке, кожаные, черные, стертые с внутренней стороны. Ноги гудели. Спина ныла. Она мечтала о ванне с пеной, о тишине, о том, чтобы никто не задавал вопросов.

Она прошла в гостиную, машинально отмечая: окна закрыты, воздух спертый, Виктор не проветривал. На журнальном столике — пустой бокал, оставшийся, кажется, с прошлой недели. Крошки от печенья. Пульт от телевизора, не на месте.

«Прибрать бы завтра», — подумала Ольга. Надо будет напомнить горничной.

Она зашла в спальню, зажигая свет.

И замерла.

Первое, что она увидела — чемодан.

Большой, черный, с серебристыми замками, стоит посреди комнаты, раскрытый, как пасть какого-то металлического зверя. Половина уже упакована: рубашки, галстуки, носки. Второй половины не хватает, и вещи разбросаны вокруг — джинсы на полу, свитер на кресле, ремень на прикроватной тумбочке.

Виктор собрался в командировку. Виктор вечно собирается в спешке, в последний момент, и вечно забывает что-нибудь важное — то зарядку для телефона, то паспорт. Ольга привыкла: если у него поездка, она заходит в спальню и тихо, методично докладывает недостающее. Но сегодня он не предупреждал.

Ольга нахмурилась. Может, ей показалось, а он говорил? Может, она пропустила сообщение? Она проверила телефон. Чат с Виктором: ничего. Последнее сообщение — её «Закажи себе что-нибудь вкусное».

Странно.

Второе, что она увидела — кружево.

Чёрное, тонкое, почти прозрачное, валяется на кровати, на её подушке, на той стороне, где она обычно спит. Это не её кружево. У Ольги есть кружево — белье из хорошего хлопка, удобное, практичное, телесного цвета или белое. Чёрное она не носила никогда. Виктору не нравилось. «Ты элегантная женщина, — говорил он, — а не порнозвезда». И Ольга слушалась. Она всегда слушалась.

Чьё же это?

В голове запульсировала тревога — глухая, противная, как зубная боль. Ольга сделала шаг к кровати, потом другой. Протянула руку, чтобы потрогать кружево, и отдернула — будто обожглась.

И в этот момент из душа донесся смех.

Женский смех.

Молодой, звонкий, с придыханием. Так смеются, когда щекочут, когда вода щиплет глаза, когда хочется показать, как тебе весело, как хорошо.

Ольга узнала этот смех. Нет, не конкретный голос — саму интонацию. Интонацию любовницы. Уверенной. Наглой. Веселой. У неё был роман до замужества, и в ней самой тогда звучал точно такой же смех, когда она пряталась с Виктором на съемной квартире, пока его мать не знала, что они живут вместе.

Ирония судьбы.

Ольга стояла посреди спальни, сжимая в руке ключи с Эйфелевой башней, и смотрела на дверь ванной. Из-за двери доносились звуки: шум воды, вскрик — «ой, холодно!», потом шлепок босых ног по кафелю, и снова смех. Мужского голоса она не слышала, но знала — он там. Он дурачится. Он щиплет. Он счастлив.

В груди разверзлась пустота. Не боль. Не злость. Полное, абсолютное отсутствие всего. Как будто кто-то выключил свет, звук, дыхание, и остался только чёрный экран, на котором медленно, покадрово, проступает осознание: её жизнь — ложь.

Двадцать пять лет.

Двадцать пять лет утренних завтраков, когда она вставала первой и готовила ему омлет, потому что он «не может смотреть на еду до десяти». Двадцать пять лет вечеров, когда она сидела и ждала его с работы, потому что «жена должна быть дома». Двадцать пять лет отпусков в местах, которые выбирал он, потому что «ты же не любишь жару/холод/горы/море». Двадцать пять лет секса по расписанию, по вторникам и четвергам, без света, без долгих предисловий, потому что «я устал, Оля, давай быстрее».

Двадцать пять лет она была идеальной женой. А он — идеальным мужем. Идеальным враньём.

Ольга медленно разжала пальцы. Ключи упали на пол с глухим стуком. Звук показался ей неестественно громким.

Из ванной донеслось: «Тш-ш-ш, ты слышал?». Потом тишина. Потом шёпот, которого она не смогла разобрать.

Ольга повернулась.

Она не побежала. Не заплакала. Она вышла из спальни так же спокойно, как заходила, — ровная спина, руки по швам, голова высоко поднята. В гостиной, на журнальном столике, стояла наполовину полная чашка кофе. Чужая. След от помады — ярко-алой, не её. Ольга никогда не пользовалась алой помадой. Виктор говорил, что это вульгарно.

Она прошла в коридор. Туфли нашлись сразу — она не стала их надевать, пошла босиком по прохладному полу. В прихожей взяла с вешалки пальто. Темно-серое кашемировое пальто, подарок дочери на прошлый день рождения. Сунула руку в карман — там лежал телефон, кошелёк и старый билет на самолёт из Лондона.

И на секунду она остановилась.

Остановилась, прижалась спиной к прохладной стене, закрыла глаза. И в этой темноте перед глазами она вдруг увидела всю свою жизнь. Не подряд, а выдернутыми кадрами: своё выпускное платье — фиолетовое, с пышной юбкой, она была в нём самой красивой. Первую ночь с Виктором — в общежитии, на жестком матрасе, но ей казалось, что это рай. Рождение сына — она кричала от боли, а он держал её за руку и говорил: «Ты сильная, Оля, ты спра-

вишься». Рождение дочери — через четыре года, в новой, хорошей клинике, с анестезией, и он поцеловал её в лоб и сказал: «Ты — моя жизнь».

Ты — моя жизнь.

Значит, он мою жизнь имеет в виду? Или жизнь, которую он придумал для неё, удобную, предсказуемую, без кружева и алой помады?

Ольга открыла глаза.

В прихожей, на полке, стояла её сумка — большая, кожаная, вместительная. Она взяла её, достала телефон, открыла приложение банка. Посмотрела на счёт.

Они хранили деньги по-старому: общий счёт, на который капали дивиденды от его фирмы и её редкие гонорары за частные заказы. Виктор был консервативен, не доверял криптовалютам, не играл на бирже. «Деньги должны лежать там, где их видно», — говорил он. Так что на счету было больше трех миллионов. Много. Достаточно, чтобы начать жизнь заново.

Ольга перевела половину.

Технически это было законно. Совместно нажитое имущество. Адвокаты — если дело дойдёт до адвокатов — подтвердят, что она имела право. Но сейчас её вела не законность. Её вело что-то другое. Инстинкт. Звериный, древний, безжалостный инстинкт выживания.

Полтора миллиона на её карте.

Ольга надела тёмные очки. Ночи нет, на улице уже темень, очки — это глупо. Но она надела их, потому что не хотела видеть отражение своих глаз в зеркалах, которые висели в прихожей. Боялась, что увидит там то, что не сможет потом забыть.

Она вышла в подъезд. Дверь закрылась за ней с тихим, вежливым щелчком. Лифт уже ждал — кто-то вызвал его и уехал, и кабина стояла открытая, пустая, приглашающая.

Ольга вошла.

И только когда двери лифта сомкнулись и кабина начала медленное движение вниз, она поняла, что до сих пор не заплакала.

Такси она вызвала через приложение. Машина подъехала через четыре минуты — белый «Хёндай», чистый, с запахом ванили. Водитель — молодой парень, лет двадцати пяти, с бейсболке наоборот — оглянулся на неё с удивлением: женщина в дорогом пальто, босиком (она забыла обуться), в темных очках в восемь вечера. Но вопросов задавать не стал. Может, потому что в её лице было что-то, что отбивало желание спрашивать.

— Куда едем? — спросил он.

Ольга задумалась. Домой? Нельзя. Родители умерли давно, подруги? У неё не было подруг. Точнее, были, но те, с кем можно пить кофе и обсуждать детей, а не те, кому можно приехать босиком в восемь вечера с пустыми глазами.

— В «Асторию», — сказала она. Пятизвёздочный отель в центре. Дорого. Для тех, кто сбегает от реальности или прячется от себя.

— Окей, — парень включил приёмник, заиграла какая-то попса, и Ольга на мгновение возненавидела этот мир — весь, полностью, за его способность продолжать крутиться, когда у неё только что развалилась жизнь.

Она откинулась на сиденье и смотрела в окно. Город проплывал мимо — витрины, фонари, люди. Все эти люди не знали, что в эту секунду какая-то женщина потеряла всё. Нет, не всё. Она потеряла иллюзию. Самое дорогое, что у неё было — веру в то, что двадцать пять лет были не зря.

Ольга открыла телефон. Чат с Виктором. Её сообщение: «Любимый, сегодня поздно. Закажи себе что-нибудь вкусное. Целую». Он прочитал его в час дня. Ответил в час дня: «Ок».

Вот и всё. Тысячи сообщений за двадцать пять лет свелись к одному «ок». Три буквы. Вместо «я тебя люблю», «жду домой», «ты мой воздух». Просто «ок».

Ей захотелось написать ему что-то. Что-то колкое, уничтожающее, чтобы он проснулся завтра утром и понял. Но она сдержалась. Не потому, что была слишком благородной. А потому, что поняла: сейчас её слова только покажут ему, что ей больно. А она не хотела давать ему эту власть. Никогда больше.

— Приехали, — сказал водитель.

«Астория» сияла огнями. Швейцар в ливрее открыл дверцу такси, и Ольга шагнула на красную дорожку — босая, в пальто, в темных очках, с сумкой через плечо. Швейцар вежливо улыбнулся, ничего не сказал. В этом отеле видели и не такое.

На ресепшене её встретила девушка с идеальной прической и безупречным маникюром.

— Добрый вечер. Чем могу помочь?

— Мне нужен номер. На одну. На неделю. Люкс, если есть.

Девушка застучала по клавишам.

— Есть «Президентский люкс» на седьмом этаже. Вид на город. Двадцать две тысячи в сутки.

— Беру.

Ольга протянула карту. Ту самую, на которую только что перевела полтора миллиона. Девушка провела операцию, вернула карту, протянула ключ-карту.

— Завтрак включен с семи до одиннадцати. Спа-центр работает до десяти. Если понадобится что-то ещё, звоните на ресепшен.

— Спасибо.

В лифте, поднимаясь на седьмой этаж, Ольга наконец сняла очки. Увидела своё отражение в зеркальных стенах. Женщина. Сорок пять лет. С морщинками вокруг глаз, которые она раньше прятала тональным кремом. С побледневшим лицом. С волосами, выбившимися из пучка. Босая. С потерянным видом.

«Ты жалкая, — сказала она себе. — Ты жалкая и заслужила это, потому что двадцать пять лет молчала. Не требовала. Не спрашивала. Не проверяла. Просто верила».

Она вошла в номер. «Президентский люкс» оказался огромным — гостиная с панорамными окнами, спальня с кроватью, на которой можно устроить оргию, ванная с джакузи. Ольга прошла к окну. Внизу горел город — миллионы огней, миллионы жизней, в которых кто-то сейчас целуется, ссорится, мирится, обманывает, прощает.

А она стояла в этом номере — одна, без обуви, без мужа, без прошлого — и чувствовала, как внутри что-то медленно, мучительно перестраивается. Рушатся старые конструкции — верность, доверие, привычка. И на их месте появляется что-то новое. Пока маленькое, твёрдое, острое.

Ненависть? Нет. Ненависть — слишком горячо, слишком эмоционально. Скорее — ледяная решимость.

Ольга села на край кровати, расстегнула жакет, сбросила его на пол. Потом стянула брюки. Осталась в белой хлопковой рубашке и трусах телесного цвета. Всё та же — удобная, практичная, скучная жена.

Она подошла к зеркалу во весь рост — такое же, как в спальне у них дома, только новое, не хранящее чужих теней. Посмотрела на своё тело. Двадцать пять лет назад у неё была талия 58 сантиметров. Сейчас — 68. Двадцать пять лет назад грудь была упругой, как у девочки. Сейчас — чуть ниже, чуть тяжелее. Двадцать пять лет назад её кожа пахла цветами и молодостью. Сейчас — дорогим кремом и усталостью.

Но она всё ещё была красива. Она вдруг это поняла — по-настоящему, без ложной скромности. Красива той зрелой, глубокой красотой, которую не берут ни годы, ни измены. Идиоты.

Все эти мужчины, которые променивают жён на молоденьких дурочек — они не знают, что теряют. Они видят только возраст. Они не видят силу.

Виктор не увидел.

Или увидел, но испугался. Испугался, что эта сила когда-нибудь обернётся против него. Так что взял слабую, глупую, незащищённую. Алису. Какое банальное имя — Алиса. Наверняка с наращенными волосами и грудью третьего размера. Наверняка курит вейп и говорит словечками из молодежных трендов.

Ольга не знала, как выглядит Алиса. Но она знала, что уничтожит её. Не физически — нет, она не дура. Уничтожит иначе. Так, что та сама пожалеет о том дне, когда согласилась лечь в чужую постель.

Но прежде — Виктор.

С Виктором нужно разобраться по-другому. По-взрослому. С документами, счетами, адвокатами. За двадцать пять лет она знала о его бизнесе больше, чем он думал. Она видела его налоговые декларации, контракты, платежки. Она помнила, какие объекты строились на деньги, которые он забыл показать в отчётности. Она помнила имя его партнёра, с которым он разругался и который теперь сидит и копит злобу.

У неё был план. Не продуманный до конца, но уже живой, трепещущий, как птица в клетке.

Ольга достала из сумки телефон, блокнот и ручку — старую, любимую, с синими чернилами. Села за письменный стол и написала сверху крупными буквами:

ПЛАН «МЕСТЬ»

Потом зачеркнула слово «месть» и написала новое:

ПЛАН «НОВАЯ ЖИЗНЬ»

Потому что месть — это когда ты живёшь прошлым. А она больше не хотела жить прошлым. Она хотела будущим.

В дверь постучали — это горничная принесла заказанный ею чай. Ольга открыла, взяла поднос, поблагодарила. В номере запахло мятой и бергамотом. Она налила чай в тонкую фарфоровую чашку — отель не экономил на посуде — и сделала глоток. Горячий. Терпкий. Успокаивающий.

Чай помог. Тело перестало дрожать. Руки — сжиматься в кулаки.

Ольга включила ноутбук — свой рабочий, с которым она никогда не расставалась. Открыла поиск, набрала: «Лучшие адвокаты по разводам в городе». Выпал список. Она выбрала женщину — Ингу Валерьевну Серебрякову, пятьдесят два года, тридцать лет практики, специализация — раздел имущества. Репутация — стерва, зато честная. Стоимость услуги — пятнадцать тысяч в час.

Дорого. Но она могла себе позволить.

Она отправила запрос на консультацию на завтра, десять утра.

Потом закрыла ноутбук, допила чай, встала.

В ванной она долго стояла под душем — горячая вода обжигала спину, плечи, затылок. Она стояла и смотрела, как вода стекает по её телу, унося с собой ошмётки прошлого. Потом натянула халат — белый, пушистый, пахнущий лавандой — и вернулась в спальню.

Легла в кровать. Чистую, холодную, не пахнущую чужими духами.

И тут, в этой безличной, чужой, идеально стерильной постели, она заплакала.

Не громко, не надрывно. Без всхлипов, без рыданий. Просто слёзы текли по щекам, и она даже не вытирала их. Они капали на подушку, оставляя мокрые пятна. И каждое пятно было прощанием: с иллюзией, что её брак был счастливым. С верой, что Виктор её любил. С надеждой, что под старость они будут сидеть на веранде, пить чай и смотреть на внуков.

Ничего этого не будет.

Проплакала она долго — час, может, два. А потом тишина в номере стала другой. Не давящей, а освобождающей.

Она села на кровати, включила ночник, взяла телефон. Открыла закладки. И написала:

«Сегодня, в пятницу, восьмого ноября, в двадцать часов тридцать минут, я узнала, что мой муж мне изменяет. Я не устроила скандал. Я не разбила посуду. Я не наорала на любовницу. Я надела темные очки, взяла свои полтора миллиона и уехала в отель. Потому что я не жертва. Я — женщина, которая начинает новую жизнь. И новая жизнь эта будет лучше старой. Обещаю».

Она сохранила закладку.

И вдруг почувствовала, как внутри неё расправляет крылья что-то новое. Не боль. Не злость. Не страх. А холодная, ясная, безжалостная решимость.

Эту ночь она спала плохо — ворочалась, просыпалась, смотрела в потолок. Но несколько раз её посещало странное, почти пугающее чувство: будто она не одна. Будто рядом с ней, на соседней подушке, лежит не Виктор, а кто-то другой. Кто-то, кого она ещё не знает, но кто уже есть в её будущем. И этот кто-то держит её за руку и шепчет: «Ты справишься».

К утру мысль оформилась окончательно.

Ольга встала, подошла к зеркалу, посмотрела на опухшие глаза, на взлохмаченные волосы, на следы от подушки на щеке — и улыбнулась.

Не счастливой улыбкой. Не облегчённой. А той особенной, твёрдой улыбкой, которая появляется у женщин, когда они понимают: худшее уже позади.

Она достала телефон, нашла в контактах номер, который не набирала три года. Бывшая коллега, Жанна, которая тоже развелась после двадцати лет брака и теперь жила в Париже, писала картины маслом и была абсолютно счастлива.

Ольга написала: «Жанна, привет. Ты не поверишь, что случилось. Можно позвонить?»

Ответ пришёл через минуту: «Звони в любое время. Я у себя. И, Оль... у тебя всё будет хорошо. Обещаю».

Она не позвонила сразу. Сначала заказала завтрак в номер — сырники, кофе, свежесжатый апельсиновый сок. Съела всё, не торопясь, смакуя каждый кусочек. Заварила второй кофе. Достала паспорт, фотографии детей (всегда носила в отделении сумки), посмотрела на них долгим, внимательным взглядом.

Сын. Дочь. Они были в Лондоне. Им двадцать два и двадцать. Им не нужно было знать все подробности. Но они должны были знать, что мама больше не живёт с папой. Ольга решила: скажет сама. Приедет к ним, посмотрит в глаза, объяснит. Не сейчас — когда сорвёт пластырь и убедится, что не истечёт кровью.

Она набрала Жанну.

Разговор длился полтора часа. Жанна слушала, почти не перебивая, только иногда вставляла: «Правильно», «Так держать», «Оль, ты даже не представляешь, какой у тебя потенциал».

А под конец сказала то, что перевернуло всё.

— Послушай, подруга. Ты думаешь, это конец? Нет. Это начало. Твоя настоящая жизнь начинается именно сейчас. В сорок пять. Потому что до этого ты была не Ольгой — ты была женой Виктора. А теперь ты будешь просто Ольгой. И поверь мне — просто Ольга гораздо интереснее, чем его жена. У неё есть вкус, ум, профессия, характер. И она найдёт мужчину, который оценит всё это. Не мальчика, который смотрит на возраст. А настоящего мужчину.

Ольга молчала.

— Ты меня слышишь? — спросила Жанна.

— Слышу, — ответила Ольга. — Я просто... не знаю, готова ли.

— Ты не готова? А кто тогда перевела половину денег и уехала в отель босиком? Ты готова, Оль. Ты готова сильнее, чем когда-либо в жизни. Просто пока не знаешь об этом. Скоро узнаешь.

Они попрощались.

Ольга закрыла телефон и долго сидела неподвижно, глядя в одну точку. На стене напротив висела картина — безликая абстракция: синие, фиолетовые, немножко золотого. И вдруг она поняла, что в этой картине — вся её жизнь. Слишком много синего — цвета тоски, слишком много фиолетового — цвета сомнений. Но есть и золото. Не много, но оно есть. И оно не выцвело. Не исчезло.

В дверь снова постучали. Горничная пришла убирать постель. Ольга открыла, улыбнулась — первый раз за вчерашний и сегодняшний день. Сказала: «Завтрак был чудесным, спасибо».

И женщина, которая меняла простыни, вдруг сказала:

— У вас красивая улыбка, мадам. Так редко встретишь счастливые лица в этом отеле.

Счастливые лица.

Ольга подошла к зеркалу. Правда — она улыбалась. Не вымученно, не через силу. А по-настоящему. Потому что внутри неё, в той самой пустоте, где вчера была боль, сегодня начало прорастать что-то зелёное, живое, теплое.

Надежда.

Чёрт возьми, надежда.

Она быстро оделась — джинсы, свитер, балетки (обувь нашлась в сумке — на смену туфлям), накинула пальто. Перед выходом сунула в карман два телефона — свой старый и тот, который она купила вчера в магазине внизу, анонимный. Для важных дел.

В лифте она встретила мужчину. Сорок пять — пятьдесят. Высокий, седина на висках, тёмные глаза, в которых читалась какая-то глубокая, пугающая усталость. Он был одет дорого, но неброско — тёмно-синий пиджак, серая водолазка. В руках — папка с документами и кожаный портфель.

— Доброе утро, — сказал он, кивнув.

Она ответила: «Доброе».

Их взгляды встретились на секунду — не больше. Но в этой секунде Ольга почувствовала что-то странное. Не электричество, не бабочек в животе. А спокойное, уверенное «да». Будто какая-то часть её — самая древняя, самая мудрая — уже знала, что этот человек появится в её жизни не случайно.

Но сейчас было не до предчувствий. Сейчас было дело.

Она вышла из отеля в прохладное утро. Небо было серым, обещало дождь. Но Ольга не взяла зонт. Она подняла воротник пальто и пошла пешком — до адвокатской конторы было двадцать минут ходьбы. Двадцать минут, чтобы собраться с мыслями.

На полпути она остановилась у витрины ювелирного магазина. Там, на чёрном бархате, лежало кольцо — тонкое, платиновое, с маленьким бриллиантом. Не такое, как обручальное. Скромнее. Но красивее. И Ольга вдруг поняла: когда-нибудь она купит себе такое. Не в подарок от мужчины. Себе. Просто потому, что заслужила.

Она вошла в здание адвокатской конторы ровно в десять, без опоздания.

Адвокат Инга Валерьевна Серебрякова оказалась именно такой, как ожидалось: седая стрижка, острый взгляд, дорогой костюм. Женщина, которая колет орешки без разбега.

— Присаживайтесь, — сказала она, указав на стул. — Рассказывайте всё по порядку.

И Ольга рассказала.

Не плача, не жалуясь, не приукрашивая. Просто факты: измена, общий счёт, фирма мужа, его махинации, которые она случайно видела. Спонсоры, инвесторы, двойная бухгалтерия. Адвокат слушала, делала пометки, иногда переспрашивала.

— У вас есть доказательства? — спросила она, когда Ольга замолчала.

Прямой вопрос. Без соплей.

— Пока нет, — честно ответила Ольга. — Но я знаю, где их взять.

Адвокат откинулась на спинку кресла, посмотрела на неё долгим, изучающим взглядом.

— Знаете, Ольга Александровна, за тридцать лет практики я видела сотни женщин в вашей ситуации. Девять из десяти приходят сюда с красными глазами, трясущимися руками и надеждой, что муж вернётся. Одна из десяти — как вы. И знаете что? Эта одна всегда выигрывает.

— Я не хочу выиграть, — сказала Ольга. — Я хочу начать сначала.

— Так это одно и то же, — усмехнулась адвокат. — Выиграть — это когда он проигрывает. А начать сначала — это когда вам всё равно, проигрывает он или нет. Я вижу, вы уже на втором этапе.

— Да, — тихо сказала Ольга.

— Тогда давайте работать. Стоимость — вы знаете. Но я предупреждаю: будет грязно. Он не отдаст деньги добровольно. Будет унижать, угрожать, шантажировать. Вы готовы?

Ольга подумала о вчерашнем смехе из душа. О кружеве на её подушке. О ремне Виктора на её тумбочке.

— Готовы, — сказала она.

Они подписали договор. Час работы адвоката стоил пятнадцать тысяч. Ольга внесла предоплату на десять часов — сто пятьдесят тысяч. И ни разу не пожалела.

Выйдя из конторы, она достала телефон. Три пропущенных от Виктора. Ни одного сообщения.

Она удалила пропущенные, не читая.

«Я не плачу. Я теперь собираю доказательства».

Она подняла голову к серому небу, вдохнула полной грудью холодный ноябрьский воздух — и улыбнулась.

Глава 1

Инга Валерьевна Серебрякова была тем адвокатом, о котором в городе ходили легенды. И почти все они были страшными.

Её называли «железной леди», «судной машиной» и «женщиной без сердца». Говорили, что она выигрывает дела, от которых другие адвокаты отказываются сразу, потому что «это невозможно». Говорили, что её боятся судьи, потому что она знает о каждом из них что-то, что лучше бы оставалось тайной. Говорили, что у неё в сейфе хранятся компроматы на половину городской элиты, и что именно поэтому она может позволить себе брать только те дела, которые ей интересны.

Ольга не знала, правда это или нет. Но после их первой встречи она поняла одно: Инга Валерьевна не просто адвокат. Она — оружие массового поражения в юбке.

Во время первой консультации, которая длилась два часа, Серебрякова задала Ольге сто сорок семь вопросов. Она записывала ответы в толстую чёрную тетрадь с кожаной обложкой, иногда хмыкала, иногда подчёркивала что-то красным маркером. Ольга чувствовала себя на допросе, но это было правильное чувство. Ей нужен был тот, кто будет копать, а не тот, кто будет жалеть.

— Ольга Александровна, — сказала Серебрякова под конец консультации, откладывая ручку. — У вашего мужа строительный бизнес. Я права?

— Да.

— Он работает с государственными подрядами?

— Да. Школы, больницы, социальное жильё.

— Он платит налоги?

— Частично.

— Частично — это сколько?

— Я точно не знаю. Но видела документы, где суммы расходились. Одни цифры — для налоговой, другие — для партнёров.

Серебрякова улыбнулась — впервые за всё время. Улыбка у неё была страшноватая, потому что напоминала оскал акулы, которая почуяла кровь.

— Знаете, Ольга Александровна, я люблю такие дела. Не потому, что мне нравится разрушать семьи. А потому, что я люблю, когда правда побеждает. А в вашем случае правда — на вашей стороне. Осталось только правильно её упаковать.

— Что вы имеете в виду?

— Улики. Прямые и косвенные. Доказательства измены — фото, видео, свидетельские показания. Доказательства финансовых нарушений — выписки, контракты, может быть, аудит. Доказательства того, что он выводил деньги из семейного бюджета в обход вас. И, самое главное, — доказательства того, что вы не просто обиженная жена, а полноценный партнёр бизнеса, который вложил в этот бизнес свои идеи, время, труд.

— Я не вкладывала деньги, — сказала Ольга. — Я вкладывала себя. Чертила проекты, договаривалась с подрядчиками, общалась с инвесторами. Я была его архитектором.

— Вот это и есть ваш актив, — глаза Серебряковой сверкнули. — Если я докажу, что фирма строилась на вашем интеллектуальном и физическом труде, вы получите не половину, а больше. Я говорю о пятидесяти пяти, шестидесяти процентах. И, возможно, о праве на долю в компании.

— Мне не нужна его компания. Мне нужна свобода и мои деньги.

— Свобода и деньги — это разные вещи. Я добуду и то, и другое. Но вы должны понимать: он будет бить ниже пояса. Он будет угрожать, шантажировать, пытаться подкупить. Он может

распустить слухи о вас. Может попытаться сделать так, чтобы дети отвернулись от вас. Вы готовы?

Ольга посмотрела в окно адвокатского кабинета, которое выходило на шумный проспект. Там, внизу, люди спешили по своим делам, никто не знал, что в этой комнате на шестом этаже решается судьба двадцатипятилетнего брака.

— Я готова, — сказала она. — Я пережила худшее в тот момент, когда услышала её смех из душа. Всё остальное — просто детали.

Они подписали договор о сотрудничестве, и Серебрякова немедленно приступила к делу.

— Первое: вы не возвращаетесь домой. Не сегодня, не завтра, никогда, пока я не скажу. Если вы вернётесь, он может попытаться силой забрать у вас документы, телефон, ноутбук. Он может удалить важные файлы. Он может записать вашу истерику и использовать против вас в суде. Ваш дом — теперь зона военных действий. Вы остаётесь там, где безопасно.

— В «Астории», — кивнула Ольга.

— Второе: вы не отвечаете на его звонки. Не берёте трубку, не читаете сообщения. Если он придет в отель — не открываете дверь, вызываете охрану. Всё общение — только через меня. Отныне я ваш фильтр, ваш щит и, если потребуется, ваш меч. Договорились?

— А если он начнёт угрожать по телефону? Как я могу не ответить?

— Вы записываете каждое его сообщение. Каждый звонок — на диктофон. Даже если он позвонит в три ночи, поднимите трубку, но не говорите ничего, кроме «да» и «нет». Пусть говорит он. Каждое его слово — в деле. Вы это можете?

Ольга достала из сумки маленький чёрный диктофон — купила его сегодня утром, сразу после того, как поняла, что её прошлая жизнь кончилась. Хорошая модель, дорогая, с функцией шумоподавления.

— Я уже купила, — сказала она. — И научилась пользоваться.

Серебрякова посмотрела на неё с некоторым уважением.

— Вы не перестаёте меня удивлять, Ольга Александровна. Таких клиенток у меня было... четыре за тридцать лет. Все они сейчас живут лучше, чем их бывшие мужья. Думаю, вы будете пятой.

Ольга вернулась в отель в начале третьего. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в бледно-розовые тона. Она прошла через холл, улыбнулась портю, поднялась на седьмой этаж, вошла в номер, закрыла дверь на цепочку, села в кресло у окна и достала диктофон.

Она включила его и положила на столик рядом с собой.

Виктор позвонил ровно через семнадцать минут.

Номер определился — его личный мобильный. Тот, который он никогда не давал партнёрам, только семье. Ольга помедлила секунду, глубоко вздохнула и нажала «ответить».

— Ольга? Ты где, чёрт возьми?! — голос Виктора был сиплым, будто он только что проснулся или долго кричал. — Я звоню тебе с утра, ты не берёшь трубку! Ты вообще в своём уме?!

Она молчала.

— Я с тобой разговариваю! — рявкнул он. — Ты что, там, у любовника, трубку не берёшь? Я знаю, что ты ушла! Я видел! Вещи твои в шкафу — ты их не взяла! Ты вообще собираешься возвращаться или продолжать истерику за мои деньги?!

Ольга по-прежнему молчала. Она смотрела на красную лампочку диктофона, которая мигала в такт его голосу. Каждое слово записывалось.

— Ты меня слышишь? — Виктор перешёл на шипение. Ей показалось, что она слышит, как он скрипит зубами. — Ты забрала полтора миллиона со счёта! Ты хоть понимаешь, что ты наделала?! Да я за такое... Да я... Ты — никто! Ты — пустое место! Ты двадцать пять лет жила на мои деньги! Ничего своего у тебя нет! И эти полтора миллиона ты вернёшь, слышишь? Вернёшь, иначе...

Ольга выключила громкую связь, поднесла трубку к уху и сказала — ровно, спокойно, без единой эмоции:

— Виктор, ты говоришь очень громко, а я тебя прекрасно слышу. Можешь не надирать связки. Я забрала законные совместные деньги — половину от трёх миллионов. Если не веришь, спроси у своего бухгалтера или у юриста, который водил тебя за ручку на подписание брачного договора. Ах да, его у нас нет. Так что по закону я могу забрать и больше.

— Ты... ты... — он захлебнулся от злости. — Да кто тебе дал право? Ты что, решила меня разорить? Ты решила, что можешь так просто уйти и прихватить моё?!

— Моё, — спокойно поправила Ольга. — Наше.

— Да что ты сделала для этого? Сидела дома, жрала пирожные и смотрела сериалы? Я пахал двадцать пять лет! Я строил бизнес! Я обеспечивал! А ты... ты просто была моей женой!

Эти слова укололи — не больно, а глухо, как удар в броню. «Просто была женой». Двадцать пять лет ночей без сна с младенцами. Двадцать пять лет просмотра чертежей до двух часов ночи, пока он спал. Двадцать пять лет её проектов, которые он выдавал за свои, потому что «заказчикам нужен мужчина за столом переговоров». Двадцать пять лет тишины, уступок, проглатывания обид.

«Просто жена».

Ольга прикрыла глаза, сделала ещё один глубокий вдох и сказала:

— Виктор, я сейчас положу трубку, потому что мне неинтересно с тобой разговаривать. Если у тебя есть что сказать по существу — скажи моему адвокату. Я пришлю тебе её контакты. Всё. До свидания.

— СТОЙ! — заорал он. — Какая адвокат? Ты что, серьёзно решила... Ты думаешь, у тебя есть шансы? У меня связи, Ольга! У меня деньги, у меня люди! Я тебя раздавлю! Я сделаю так, что ты вообще без ничего останешься! Выйдешь на улицу в одном халате! Ты меня слышишь?

— Да, слышу. Спасибо за информацию. Она будет... полезной.

Ольга нажала «отбой».

В номере повисла тишина. Диктофон мигнул красным ещё несколько секунд и погас. Ольга взяла его в руки, перемотала запись, прослушала фрагмент, где Виктор кричал про «деньги, людей и связи». Звук был чистым, чётким, без помех.

Она отправила файл на почту Серебряковой с пометкой: «Первый звонок. Угрозы».

Потом она открыла ноутбук, заказала в номер ужин — дорогую пасту с морепродуктами и бутылку пино-гриджо. Не для того, чтобы напиться. Просто чтобы почувствовать вкус жизни, которая продолжается. Которая будет продолжаться без него.

Через час, пока Ольга ела пасту и читала новости на архитектурном портале, пришло сообщение от Серебряковой: «Файл получила. Отличное качество. Он наговорил достаточно для заявления в полицию об угрозах, но пока не будем торопиться. Соберём больше. Спокойной ночи».

«Спасибо. И вам», — ответила Ольга.

Она допила вино, приняла душ — долгий, горячий, — и легла спать. На этот раз сон пришёл быстрее. Не сразу, но пришёл. И снилось ей что-то странное: она стояла на строительной площадке своего нового здания, высокого, стеклянного, и смотрела, как оно растёт к небу. Рядом никого не было. Только она одна и её творение.

Утром её разбудил телефон. Виктор звонил снова. Она не взяла трубку — включила диктофон, положила телефон рядом и позволила ему говорить на автоответчик. Его голос заполнил комнату:

— Ольга, ты что, серьёзно решила играть в молчанку? Ты думаешь, это поможет? Я знаю, где ты. Ты в «Астории», да? Я выяснил. Сейчас приеду, и мы поговорим по-нормальному. Ты откроешь дверь или я вызову полицию и скажу, что ты украла мои деньги и скрываешься. Поняла? Украла! Я тебя посажу, Олька! Я найму лучших адвокатов! Ты...

Автоответчик отключился, потому что время записи кончилось.

Ольга села на кровати, потянулась, взяла второй телефон — тот самый, анонимный — и набрала номер охраны отеля.

— Доброе утро. Говорит гостя из семьсот двенадцатого номера, Ольга Володина. Мой бывший муж угрожает приехать и устроить скандал. Пожалуйста, предупредите службу безопасности. Если он появится в холле, не пускайте его выше седьмого этажа. И сообщите мне.

— Вас понял, мадам. Приняли меры, — ответил дежурный.

Ольга положила трубку, встала, подошла к окну. Город просыпался: машины, автобусы, люди с кофе на бегу. Всё как обычно. Только её жизнь больше не была обычной.

Она натянула спортивный костюм — купила его вчера в отеле же, в маленьком бутике на первом этаже, — спустилась в фитнес-центр и час крутила педали велотренажёра. Потом сауна, контрастный душ, плотный завтрак в номере. К десяти утра она была свежа, как огурчик, и готова к новому дню.

К одиннадцати у неё была назначена встреча с адвокатом. В офисе Серебряковой пахло хорошим кофе и дорогой кожей.

— Знаете, Ольга Александровна, — сказала адвокат, разливая эспрессо по маленьким белым чашкам, — я вчера вечером навела справки о вашем муже. Он, скажем так, не самый чистоплотный бизнесмен в городе. У него есть несколько старых партнёров, которые давно хотели бы с ним рассчитаться. И есть один бывший коллега, который сейчас сидит в местах не столь отдалённых. Вы знаете о нём?

— Знаю. Сергей Витальевич Кольцов. Они строили вместе торговый центр, потом разругались из-за денег. Виктор его обвинил в хищениях, хотя на самом деле... в общем, это была подстава. Я тогда не хотела вникать, потому что верила мужу. А теперь понимаю: Кольцов сидит несправедливо.

— Именно, — Серебрякова поджала губы. — И этот Кольцов выходит через полгода. Он уже звонил мне из тюрьмы, когда узнал, что я занимаюсь вашим делом. Сказал: «Передайте Ольге Александровне, что у меня есть документы, которые её муж хотел бы уничтожить. Я сохраню их до её приезда». Что скажете?

Ольга поставила чашку. Руки не дрожали — это было важно.

— Я скажу: поеду к нему. Как только это станет возможно. Если его показания помогут мне получить справедливость — я согласна.

— Тогда у нас есть ещё один козырь в рукаве. Но давайте не будем спешить. Сначала нужно собрать то, что доступно сейчас. Вы говорили, что у вас есть доступ к его документам?

— Дома. Но я не могу туда вернуться.

— Вам и не нужно. У меня есть человек, который может сделать копии дистанционно. Если вы дадите мне пароли от вашего домашнего компьютера, роутера, планшета — мы получим всё, что хранится в облаке. Виктор использует облачные хранилища?

— Да. У него есть аккаунт на «Яндекс.Диске». Пароль я знаю — он никогда его не менял, потому что «мне лень, запомни ты». Пароль — «Viktor_1975».

Серебрякова записала.

— Доступ к его телефону у вас есть?

— Нет. Он всегда носит его с собой.

— Жаль. Но облако — это уже много. Там могут быть документы, фото, переписка. Я дам задание своему IT-специалисту. Если там есть что-то компрометирующее — мы это найдём.

Ольга кивнула. В голове уже складывался пазл. Она знала, куда копать.

Она вернулась в отель с чувством, похожим на азарт. Нехорошее, грешное чувство, если честно. Всю жизнь она была правильной, законопослушной, уважающей чужую частную жизнь. А теперь она взламывала облачный диск мужа, нанимала самого беспринципного адвоката в городе и собиралась навестить человека в тюрьме.

«И мне это нравится», — призналась она себе, когда лифт поднимал её на седьмой этаж.

«И мне это, чёрт возьми, нравится».

В номере телефон зажужжал сообщением. На этот раз не от Виктора — от неизвестного номера. Ольга открыла:

«Ольга Александровна, здравствуйте. Меня зовут Алёна Соболева. Мы с вами не знакомы, но я жена вашего мужа, простите, партнёра — Андрея Соболева. Вы знаете, кто это?»

Ольга замерла. Андрей Соболев — это тот самый партнёр Виктора, с которым они вместе начинали бизнес двадцать лет назад. Добрый, тихий, незаметный Андрей, который всегда стоял в тени Виктора, делал всю черновую работу и получал копейки. Его жена Алёна — высокая блондинка с грустными глазами, которую Ольга иногда встречала на корпоративах. Они никогда не общались близко — только здоровались и обменивались дежурными фразами.

«Здравствуйте, Алёна. Да, я знаю Андрея. Что случилось?» — написала Ольга.

Ответ пришёл через минуту:

«Нам нужно поговорить. Не по телефону. Я знаю, где вы остановились. Можно приехать сегодня в шесть? Это важно. Очень».

Ольга задумалась. С одной стороны, доверять кому-либо сейчас было глупо. Виктор мог подослать любого. С другой стороны, Алёна Соболева — последний человек, который стал бы работать на Виктора. По крайней мере, так казалось.

«Хорошо. Приезжайте. Я предупрежу охрану, чтобы вас пропустили. Жду в шесть в лобби-баре».

Она убрала телефон и задумалась. Почему Алёна хочет встретиться? Что она знает? И главное — на чьей она стороне?

В шесть часов Ольга спустилась в лобби-бар. Она надела простую чёрную водолазку, джинсы и балетки. Без макияжа, без украшений. Хотела выглядеть не как жертва, а как человек, который готов к разговору.

Алёна уже сидела за столиком у окна — бледная, напряжённая, сжимающая сумочку. На вид ей было лет сорок, но смотрела она на все пятьдесят. Под глазами — круги, в уголках губ — застывшая горечь.

— Здравствуйте, Ольга Александровна, — сказала она, когда Ольга села напротив. — Спасибо, что согласились встретиться.

— Здравствуйте. Я слушаю.

Алёна замялась, оглянулась по сторонам, будто боялась, что их подслушивают.

— Это может показаться странным, но... я пришла предупредить вас. Андрей узнал, что Виктор собирается вас уничтожить. Не в переносном смысле. В прямом.

Ольга подняла бровь.

— Поясните.

— У Андрея есть знакомые в его окружении. Они рассказали, что Виктор уже нанял частного детектива, чтобы следить за вами. Он хочет найти компромат на вас — фиктивный или реальный, неважно. Может подослать мужчину, чтобы скомпрометировать вас в суде. Может подкупить свидетелей. Он очень зол, что вы взяли деньги. Для него это не деньги — для него это вопрос власти. Вы ослушались. Вы посмели взять то, что он считал своим. Он этого не простит.

Ольга слушала спокойно, хотя внутри что-то сжалось. Она ожидала подлости, но не такой.

— Алёна, почему вы мне это говорите? Вы же жена его партнёра. Если Андрей узнает, что вы...

— Андрей знает, — перебила Алёна. — Он сам меня послал. Понимаете, Ольга Александровна, мы с мужем уже много лет хотим выйти из этого бизнеса. Виктор душит нас. Он не платит дивиденды, переводит деньги на левые счета, занижает прибыль. Мы живём на копейки, работая за троих. А когда Андрей попытался возразить, Виктор пригрозил, что разорит его и посадит, как Кольцова. Мы знаем, что он способен на это. И поэтому мы хотим помочь вам. Потому что если вы выиграете — выиграем и мы.

Телефон Ольги завибрировал — сообщение от Серебряковой: «Вам стоит доверять Соболевой. Она не врёт. Я проверила».

Ольга убрала телефон и посмотрела Алёне в глаза.

— Хорошо. Я вас слушаю. Что вы можете предложить?

Алёна достала из сумочки флешку.

— Здесь копии документов за последние три года. Все реальные контракты, платёжки, переписка. А также пароль от корпоративной почты Виктора. Там вы найдёте много интересного. В том числе переписку с Алисой — его любовницей.

— Вы знаете про Алису?

— Все знают, — горько усмехнулась Алёна. — Кроме вас, похоже. Она его секретарша — была. Теперь она работает у него в офисе, хотя не имеет ни образования, ни опыта. Он поставил её на должность «помощника руководителя по особым поручениям» с зарплатой триста тысяч в месяц. Это официально. А неофициально... вы уже знаете.

Ольга взяла флешку, подержала в руке, чувствуя её холод и тяжесть.

— Почему вы не пришли раньше?

— Боялись, — честно сказала Алёна. — Виктор — опасный человек. Но когда я узнала, что вы ушли и забрали деньги... я поняла: если сейчас не помочь, мы все утонем в этом болоте. А у меня дети, Ольга Александровна. Двое. Им ещё жить.

Ольга кивнула.

— Спасибо. Я не забуду.

Они расстались через полчаса. Алёна ушла, оставив после себя запах дешёвых духов и тяжёлого отчаяния. Ольга вернулась в номер, села за стол, вставила флешку в ноутбук и начала просматривать файлы.

То, что она увидела, превзошло все ожидания.

Документы были систематизированы — видно, что готовил их профессионал. Там были сканы контрактов с субподрядчиками, платежки, акты выполненных работ, банковские выписки. И всё это кричало о том, что Виктор Володин — мошенник.

Он завышал сметы, занижал налоги, выводил деньги через подставные фирмы, не доплачивал рабочим. Но самое страшное — он получал подряды на строительство школ и больниц, а строил из дешёвых материалов, которые могли угрожать жизни детей.

Ольга смотрела на цифры и чувствовала, как внутри неё поднимается не только злость, но и отвращение. Она жила с этим человеком. Она спала с ним в одной постели. Она родила ему детей. И всё это время он был не просто изменником — он был преступником.

Телефон зазвонил снова. Виктор.

Ольга включила диктофон, нажала «ответить».

— Ольга, ты что, охрану вызвала? Я приехал в отель, а меня не пустили! Ты совсем с ума сошла? Ты моя жена, я имею право! Выметайся из номера, сейчас же!

— Виктор, я не твоя жена с того момента, как ты лёг в нашу постель с другой, — ответила Ольга. Её голос был ледяным. — Если ты не уйдёшь добровольно, я вызову полицию и заявлю о преследовании. У меня уже есть запись твоих угроз.

— Да какие угрозы? Я требую вернуть мои деньги!

— Наши деньги. Повторяю в последний раз: общайся с моим адвокатом. Её зовут Инга Валерьевна Серебрякова. Ты, наверное, слышал это имя.

На том конце повисла тишина. Ольга почти физически чувствовала, как Виктор переваривает информацию.

— Серебрякова? — переспросил он, и в голосе появились нотки, которых Ольга никогда раньше не слышала. Страх. — Ты наняла эту стерву?

— Эту стерву, да. И она уже работает по твоему делу. Так что, Виктор, если у тебя есть что сказать — скажи адвокату. А мне звонить не надо. Я больше не слушаю твою брехню.

— Сука, — выдохнул он. — Ты сука, Ольга. Я тебя...

— Да-да, посадишь, раздавишь, вышвырнешь на улицу. Я уже слышала. Запомни, Виктор: каждое твоё слово я записываю. И когда-нибудь эти записи услышат судьи, приставы, может быть, твои партнёры и журналисты. Ты этого хочешь?

— Ты не посмеешь.

— Уже посмела. До свидания.

Ольга нажала «отбой», выключила диктофон, положила его на стол. Руки слегка дрожали — первый раз дрожали за всё время. Но не от страха. От возбуждения. От ощущения, что она наконец перехватила инициативу.

Она открыла ноутбук, нашла в контактах Серебрякову и отправила ей письмо:

«Инга Валерьевна, у меня есть документы на флешке. Они от Соболевых. Там компромат на Виктора по налоговым и строительным махинациям, а также пароль от его корпоративной почты. Как думаете, этого хватит, чтобы начать процесс?»

Ответ пришёл через десять минут:

«Хватит, чтобы не только развестись, но и открыть против него уголовное дело. Не торопитесь. Сначала добьёмся развода и раздела имущества. Потом — остальное. И, Ольга Александровна, вы молодец. Я не ошиблась в вас».

Ольга улыбнулась. Потом встала, подошла к зеркалу и посмотрела на своё отражение. Та же женщина, те же морщинки, те же волосы. Но глаза были другими. В них больше не было растерянности. В них была сталь.

«Я не плачу. Я собираю доказательства».

Это стало её мантрой. Каждое утро она повторяла эти слова, открывая глаза. Каждый вечер — засыпая.

Через три дня накопилось столько документов, что Серебрякова предложила нанять помощника для их систематизации.

— У меня есть одна девушка, — сказала она по телефону. — Юрист, недавно окончила универ, но очень толковая. И главное — она работает не за деньги, а за идею. Её отец пострадал от подобного мошенничества, так что она с энтузиазмом возьмётся за ваше дело.

— Пусть приходит, — согласилась Ольга.

Девушку звали Лиза. Двадцать три года, красный диплом МГЮА, стрижка каре, джинсы, свитер, полная отсутствие страха перед начальством. Она пришла в отель с огромным рюкзаком, полным юридических справочников, и за три часа разложила по папкам все файлы так, что даже Серебрякова ахнула.

— Ольга Александровна, — сказала Лиза, когда они закончили, — у вас очень сильная позиция. Если судья будет объективен, вы получите шестьдесят процентов совместного имущества. А если мы докажем, что муж выводил деньги в ущерб семье — то и семьдесят. И ещё: я нашла кое-что интересное в его переписке с Алисой.

— Что именно?

— Он обещал ей квартиру в новостройке. Той самой, которую строит его фирма. Квартира уже оформлена на неё, но оплачена из общих средств, которые он вывел через подставную фирму. Это прямое доказательство того, что он тратил семейные деньги на любовницу. В суде это будет жирным плюсом.

Ольга взяла распечатку, пробежалась глазами по строчкам. «Малышка, не переживай, я всё решу. Квартира уже твоя, просто подпишем документы на следующей неделе. А как разведусь — сразу перепишем на тебя». «Сладкий, а она не отнимет?». «Не бойся, она ничего не узнает. Она глупая, верит каждому моему слову».

Глупая. Она верит каждому слову.

Ольга аккуратно сложила распечатку, положила в папку.

— Лиз, вы гений. Спасибо.

— Нет, вы гений, — улыбнулась девушка. — Что не разбились, не развелись, а взяли и пошли в атаку. За такими клиентами интересно работать.

— Я ещё не победила.

— Но уже не проиграли. Это главное.

Через неделю после того рокового вечера, когда Ольга услышала смех из душа, она сидела в номере отеля и смотрела на разложенные на столе документы. Исковое заявление было готово. Серебрякова подала его в суд утром. Теперь оставалось ждать — месяц, может, два, пока судья назначит первое заседание.

Виктор за эту неделю звонил семнадцать раз. Ольга ответила на три звонка, записала всё на диктофон и отправила адвокату. Остальные четырнадцать она проигнорировала, позволив ему оставлять сообщения.

В одном из последних он кричал: «Ты пожалеешь, Олька! Я заставлю тебя пожалеть, что ты вообще родилась на свет! Ты думаешь, этот твой адвокат тебя спасёт? Она такая же шлюха, как и ты!».

Ольга переслала эту запись Серебряковой, а та переслала своему знакомому полицейскому с вопросом: «Это не тянет на уголовное преследование?».

Полицейский ответил: «Тянет. Но пока отложим. Пусть наговорит ещё».

И Виктор наговаривал.

Каждый день — новые угрозы, новые оскорбления. Он не мог остановиться. Его нарциссическая рана была слишком глубока — женщина, которую он считал своей вещью, посмела не только уйти, но и нанести удар первой. Это было невыносимо для его эго.

Но Ольга больше не боялась. Она слушала его записи перед сном, как страшные сказки, и засыпала с улыбкой. Потому что каждая его угроза становилась кирпичиком в её стене победы.

В конце первой недели в отеле произошло событие, которое Ольга сначала не заметила, но которое оказалось судьбоносным.

Она спустилась в спа-центр — хотела расслабиться после тяжелого дня разбора документов. В джакузи, кроме неё, сидел мужчина. Тот самый — из лифта. Седина на висках, тёмные глаза, дорогой, но неброский пиджак. Сегодня он был в халате, и это делало его... человечнее, что ли.

— Добрый вечер, — сказал он, кивнув. — Кажется, мы уже встречались. В лифте.

— Да, — ответила Ольга. — Добрый вечер.

Она опустила в тёплую воду, закрыла глаза. Не хотелось разговаривать. Не хотелось объяснять, кто она и почему живёт в отеле. Но мужчина, к её удивлению, не стал задавать вопросов. Он просто сидел рядом, смотрел в потолок и молчал. Тишина была комфортной.

— Я Дмитрий, — сказал он через несколько минут. — Дмитрий Ковалёв.

— Ольга.

— Приятно познакомиться, Ольга. Вы приезжая?

— Местная. Просто... временно живу здесь.

Он не стал уточнять почему. Просто кивнул, принимая информацию.

— А вы? — спросила она, чтобы не молчать.

— Я из Москвы. В командировке на месяц. Инвестиционный консалтинг.

— Проверяете местные фирмы?

— Вроде того, — улыбнулся он. Улыбка была редкой, но тёплой.

Они поболтали ещё минут десять — о погоде, об отеле, о том, что в джакузи хорошо снимает стресс. Потом Ольга извинилась и ушла, потому что нужно было звонить детям.

На прощание Дмитрий сказал: «Если захотите выпить кофе — я в номере 718. Всегда рад хорошей компании».

Ольга поблагодарила, но тогда не придавала значения его словам. У неё была война. Кофе подождёт.

Но что-то в этом мужчине заставило её сердце биться чуть быстрее. Впервые за много лет. Она не поняла этого сразу. А когда поняла — испугалась. Не потому, что не хотела нового. А потому, что не знала, как начать сначала после двадцати пяти лет лжи.

«Потом», — сказала она себе. — «Сначала развод. Потом — всё остальное».

Телефон завибрировал. Сообщение от Виктора:

«Ты думаешь, что выиграла? Нет, сука. Игра только начинается».

Ольга включила диктофон, прочитала сообщение вслух, сохранила запись и ответила:

«Игра? Виктор, ты проиграл ещё до того, как она началась. Ты просто ещё не понял этого».

Она нажала «отправить», выключила телефон и легла спать.

Завтра будет новый день.

Новая битва.

И она выиграет.

Глава 2

Ольга проснулась от того, что кто-то настойчиво стучал в дверь.

Стук был не вежливый, не горничная с завтраком. Короткий, жёсткий, требовательный — бам-бам-бам, пауза, снова бам-бам-бам. Так стучат полицейские или... или те, кто уверен в своей правоте.

Она села на кровати, посмотрела на часы — половина девятого утра. Сонная, растерянная, с всклокоченными волосами, она накинула халат и подошла к двери. Посмотрела в глазок.

За дверью стояла женщина в строгом костюме — менеджер отеля, та самая, что встречала её на ресепшене в первый вечер. Рядом с ней — два здоровенных охранника в чёрных форменных куртках, с рациями на поясах и непроницаемыми лицами.

Ольга открыла дверь.

— Доброе утро, — сказала менеджер ледяным тоном. — Ольга Александровна Володина?

— Да.

— Мы вынуждены попросить вас освободить номер.

Сердце ухнуло вниз, но лицо Ольги не дрогнуло. За последнюю неделю она научилась держать удар.

— Простите, на каком основании? — спросила она, скрестив руки на груди. — Номер оплачен до завтра, у меня на руках чек об оплате.

— Оплата была произведена с карты, которая... — менеджер запнулась, подбирая слова, — ...принадлежит лицу, которое оспаривает ваше проживание.

— Говорите прямо, — Ольга не собиралась облегчать ей задачу. — Карта моего мужа, Виктора Володина. Он позвонил и попросил выселить меня. Так?

Менеджер слегка покраснела — похоже, прямой и бескомпромиссный тон Ольги выбивал её из колеи.

— Банк заблокировал транзакцию по заявлению владельца счета. К сожалению, вы должны освободить номер в течение часа, иначе мы вызовем полицию.

Ольга сделала глубокий вдох. Внутри всё кипело. Какая подлость! Виктор не мог до неё дозвониться — и ударил через банк и отель. Рассчитывал, что она растеряется, начнёт скандалить, заплачет прямо в холле. Но он забыл, с кем имеет дело.

— Хорошо, — сказала она спокойно. — Я освобожу номер. Но сначала я свяжусь со своим адвокатом, и она объяснит вашей юридической службе, что вы не имеете права выселять гостя, который уже получил услугу. А заодно — что отель нарушает договор публичной оферты. Это будет стоить вам лицензии. Вы этого хотите?

Менеджер побледнела.

— Я... я только исполняю распоряжение.

— Исполняйте. Но помните: я всё записываю. — Ольга кивнула на диктофон, который незаметно держала в руке за спиной. — И ваши слова уже в моём телефоне. Если через полчаса вы не получите звонок от своей юридической службы с извинениями, я подам в суд на отель. За клевету, за нарушение прав потребителя, за моральный ущерб. Вы удивитесь, сколько стоит моральный ущерб женщины, которую вышвыривают из отеля без оснований.

Менеджер открыла рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент из соседнего номера — номер 718 — вышел мужчина.

Дмитрий Ковалёв.

Ольга узнала его сразу — седина на висках, тёмные глаза, спокойная, почти ленивая уверенность. Сегодня он был в тёмно-синем костюме, белой рубашке без галстука, сжимал в руке папку с документами и телефон.

Он посмотрел на менеджера, на охранников, на Ольгу, стоящую на пороге в халате с диктофоном в руке, и его бровь чуть приподнялась. Ни удивления, ни любопытства — скорее, лёгкая озабоченность.

— Простите, что вмешиваюсь, — сказал он тихим, но твёрдым голосом. — Это госпожа Володина? Моя коллега?

Менеджер повернулась к нему, растерянно моргая.

— Я...

— Дмитрий Ковалёв, финансовый консультант, — представился он, протягивая визитку. — Мы с Ольгой Александровной работаем над одним проектом. И я поручился за её проживание в этом отеле. Кто дал распоряжение о выселении?

— Владелец карты, — пискнула менеджер.

— Карты, — повторил Дмитрий задумчиво. — Ах да, супруг госпожи Володиной, с которым она сейчас находится в процессе развода из-за его измены и финансовых махинаций. Интересно, знает ли ваш юридический отдел, что выселение женщины из отеля по заявлению мубара, который, кстати, уже угрожал ей расправой, — это действие, которое может быть расценено как соучастие в преследовании? У нас в стране, знаете ли, статья 119 УК РФ: угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. И я готов выступить свидетелем того, что вы выполняли волю человека, который эти угрозы высказывал.

Менеджер побледнела ещё сильнее. Охранники переглянулись — они явно не были готовы к такому повороту.

— Я... я вынуждена посоветоваться с руководством, — пролепетала она и, развернувшись, почти бегом направилась к лифту.

Охранники потоптались на месте и неловко последовали за ней.

Дмитрий проводил их взглядом и повернулся к Ольге.

— Простите, что вмешался без спроса. Увидел, что ситуация накаляется, а вы в меньшинстве. Не люблю, когда сильные давят на слабых. Даже если слабые на самом деле сильнее всех.

Ольга выдохнула — только сейчас заметив, что задерживала дыхание.

— Спасибо, — сказала она. — Вы меня только что... спасли, наверное. Я бы справилась, но... не так элегантно.

— Вы бы справились, — кивнул Дмитрий. — Я видел ваш взгляд. Такие женщины не сдаются. Я просто ускорил процесс.

Он посмотрел на её халат, на взлохмаченные волосы, и уголки его губ дрогнули в полуулыбке.

— Давайте так: я спускаюсь на завтрак. Вы приводите себя в порядок. Через полчаса — в лобби-баре. Я угощаю кофе, вы рассказываете, какого чёрта здесь происходит. Идёт?

— С чего такое великодушие? — осторожно спросила Ольга.

Дмитрий пожал плечами.

— Мне скучно в командировке. А вы выглядите как человек, с которым не соскучишься. К тому же... — он помолчал, подбирая слова, — я терпеть не могу людей, которые бьют ниже пояса. Ваш муж — классический образец. Я таких насквозь вижу. Помогать вам — значит, делать мир чуть чище. Эгоистично, правда?

Ольга хотела спросить ещё что-то, но Дмитрий уже направился к лифту, бросив через плечо:

— Жду вас. Кофе там отличный. И не бойтесь — администратор больше не придёт. Я отправлю письмо генеральному директору отеля, и он быстро успокоит свою сотрудницу.

Ровно через тридцать две минуты Ольга вошла в лобби-бар.

Она выбрала тёмно-синее платье-футляр, умеренное, но элегантное. Волосы распустила — они падали на плечи мягкими волнами. Макияж — лёгкий, только подчеркнуть глаза и губы. Она хотела выглядеть не как жертва, даже не как клиентка, а как равная. Женщина, с которой считаются.

Дмитрий сидел за столиком у окна и читал новости на планшете. Увидев её, он поднялся — неспешно, с достоинством, — отодвинул стул.

— Вы прекрасно выглядите, — сказал он просто, без намёка на флирт. — Садитесь. Я заказал вам капучино и круассан. Надеюсь, вы не против утренней выпечки?

— Вы очень предусмотрительны.

— Это часть моей работы. Предусмотрительность и анализ данных. — Он улыбнулся и сел напротив. — Итак, Ольга Александровна. Рассказывайте.

Она рассказала.

Без истерик, без лишних подробностей. Только факты: двадцать пять лет брака, двое взрослых детей, измена с молодой любовницей, возвращение домой на день раньше, кружево на подушке, смех из душа. Полтора миллиона, переведённые на свою карту. Адвокат Серебрякова — да, та самая, которую боятся даже судьи. Флешка от Соболевых с доказательствами финансовых махинаций. Угрозы Виктора — десятки звонков, сотни сообщений. И сегодняшняя попытка выселить её из отеля.

Дмитрий слушал не перебивая, иногда кивал, иногда хмурился. Когда Ольга закончила, он откинулся на спинку стула и задумчиво погладил подбородок.

— Жестокая история, — сказал он наконец. — Но, знаете, не безнадёжная. Ваш муж — классический нарцисс. Он не воспринимает вас как личность. Вы для него — функция. И когда функция перестала выполняться, он впал в ярость. Такие люди опасны, но предсказуемы. Их можно обыграть, если знать, какие кнопки нажимать.

— Вы психолог? — спросила Ольга.

— Финансист. Но за двадцать лет работы с бизнесом я насмотрелся на таких Викторов. Они все одинаковые: уверены, что мир вращается вокруг них, что женщины — это ресурс, а деньги — это власть. И они очень боятся двух вещей: публичности и потери контроля. Знаете, что их уничтожает?

— Что?

— Когда их собственное оружие обращается против них. Когда они тонут в той самой грязи, которой поливали других. — Дмитрий наклонился ближе, понизил голос. — Я предлагаю вам не просто бракоразводный процесс. Я предлагаю вам финансовую операцию под кодовым названием «Очищение».

Ольга подняла бровь.

— Поясните.

— Ваш муж владеет строительной компанией. У него есть активы, кредиты, обязательства перед партнёрами и банками. Я — финансовый консультант. Я работаю с такими кейсами: помогаю людям выходить из бизнеса, минимизируя потери, или, наоборот, забирать у недобросовестных партнёров то, что принадлежит им по праву. Если вы хотите, я могу провести полный финансовый аудит его деятельности. Найти все дыры, все серые схемы, все спрятанные активы. Сделаем так, что он останется в трусах, простите за прямоту.

Ольга сделала глоток капучино. Кофе был отличным — горьковатый, с нотками шоколада. Она смотрела на Дмитрия и думала.

С одной стороны, она уже наняла адвоката. Серебрякова была сильна в юридической части, но в финансах уступала профессиональным аудиторам. С другой стороны — она едва знала этого человека. Доверять ему было бы наивно.

— Почему вы мне это предлагаете? — спросила она прямо. — Вы не знаете меня. Моя история вас не касается. Зачем вам тратить на меня время?

Дмитрий помолчал. В его глазах промелькнуло что-то — боль? горечь? — но он быстро взял себя в руки.

— Потому что пять лет назад моя жена ушла от меня к человеку, который был богаче, влиятельнее и обещал ей «настоящую жизнь». Она не забрала деньги — у меня их тогда было немного. Она забрала дочь. И сказала, что я «недостаточно успешный мужчина». После развода я остался в съёмной однушке с долгами и желанием повеситься. Но я не повесился. Я собрался, пошёл в финансовый консалтинг, семь лет пахал как проклятый, и сейчас у меня сеть клиентов по всей стране, собственный дом и полная опека над дочерью, потому что бывшая жена промотала все деньги своего богатого ухажёра и теперь работает кассиршей в супермаркете.

Он замолчал, перевёл дыхание.

— Я рассказываю это не для того, чтобы вызвать жалость. А для того, чтобы вы поняли: я знаю, что такое быть брошенным и униженным. Я знаю, что такое начинать с нуля, когда тебе за сорок. И я ненавижу людей, которые топчут других ради своего удовольствия. Ваш муж — один из них. Помогать вам — это для меня ещё и терапия. Доказательство себе, что справедливость существует.

Ольга смотрела на него и видела — не врёт. В каждом слове была правда. Та самая, которую не выдумаешь.

— Хорошо, — сказала она. — Допустим, я согласна. Что вы предлагаете?

Дмитрий достал из портфеля планшет, открыл какой-то файл.

— Первое: я провожу независимый аудит компании Виктора. Для этого мне нужны его финансовые отчёты за последние пять лет, выписки по счетам, контракты с субподрядчиками, кредитные договоры. Всё, что у вас есть.

— У меня есть часть на флешке от Соболевой.

— Отлично. Второе: я ищу его скрытые активы. Обычно такие, как Виктор, выводят деньги в офшоры, покупают недвижимость на подставных лиц, открывают счета в иностранных банках. Я умею это находить. У меня есть связи в банковской сфере, в налоговой, в правоохранительных органах. Если деньги есть — я их вытащу на свет.

— Третье?

— Третье: когда у нас будет полная картина, мы решаем, что делать дальше. Вариантов несколько: от досудебного соглашения — вы забираете, скажем, семьдесят процентов активов и он подписывает все бумаги без скандала — до уголовного дела по факту финансовых махинаций. Но это уже крайний случай. Лучше, когда человек сам понимает, что проиграл, и сдаётся без боя.

Ольга задумалась.

— А сколько это будет стоить? Ваши услуги?

Дмитрий улыбнулся.

— Я работаю по системе плата за успех. То есть получаю процент от тех средств, которые удастся выявить и вернуть в ваш бюджет. Если я ничего не найду — вы не платите ничего. Если найду — скажем, десять процентов от найденной суммы. Честно? Я на таких кейсах обычно зарабатываю очень неплохо, потому что почти всегда нахожу то, что скрытано.

— А если я передумаю после того, как вы найдёте активы?

— Тогда вы заплатите мне за проделанную работу по часам. Но я не думаю, что вы передумаете. У вас взгляд человека, который знает, чего хочет.

Ольга посмотрела ему в глаза — долго, пристально. Он не отводил взгляда.

— Дмитрий, вы когда-нибудь проигрывали? — спросила она.

— Да. Один раз. Когда женился. — Он усмехнулся, но в усмешке не было злости. — Поэтому теперь я тщательно выбираю, с кем вступаю в деловые отношения. И я выбираю вас.

Они обменялись номерами телефонов, электронными адресами. Дмитрий пообещал за день подготовить договор о сотрудничестве, а за неделю — провести первичный анализ.

Когда Ольга вернулась в номер, телефон разрывался от звонков. Виктор звонил снова.

Она посмотрела на дисплей, почувствовала, как внутри поднимается холодное спокойствие, и нажала «ответить».

— Ольга! Ты что, нашла себе какого-то покровителя? Мне уже позвонили из отеля и сказали, что какой-то мужик вступился за тебя! С кем ты спишь, сука? Пока я деньги зарабатываю, ты уже нашла себе хахалю?

— Виктор, ты говоришь ерунду. Тот мужчина — мой деловой партнёр. Не твоё дело, кстати. А деньги, которые ты «зарабатываешь», как ты выражаешься, наполовину мои. И скоро суд это подтвердит.

— Суд? Ты думаешь, суд будет на стороне какой-то истерички, которая сбежала из дома с деньгами мужа?

— Деньги были общие. Ты можешь повторить эту фразу адвокату. И ещё: я хочу, чтобы ты знал — каждое твоё слово я записываю. И когда у нас будет заседание, я включу судье запись, где ты называешь меня «сучкой» и «истеричкой». Думаешь, ему понравится?

— Ты... ты просто... я тебя уничтожу, поняла?

— Да, поняла. Ты уже говорил. Я записала. Всё, Виктор. Я занята.

— Стой! Куда ты?

— К адвокату. И к финансовому консультанту. К твоему будущему кошмару. До свидания.

Ольга нажала «отбой» и улыбнулась.

Как же приятно было говорить ему правду в лицо. Как же давно она этого хотела — двадцать пять лет молчала, терпела, проглатывала обиды. А теперь её прорвало.

Она открыла ноутбук и отправила Дмитрию первое письмо: «Дмитрий, скиньте проект договора. Я ознакомлюсь сегодня. И спасибо вам. За утро. И за честность».

Ответ пришёл через пять минут: «Высылаю. И, Ольга Александровна, вы даже не представляете, на что способны. Я видел ваш взгляд, когда вы стояли на пороге в халате с диктофоном. Такие женщины не проигрывают. Никогда».

Через два дня Дмитрий пригласил Ольгу в свой номер — 718 — чтобы обсудить первые результаты.

Он жил в таком же люксе, как и она, но обстановка была другой. Мужской порядок: ноутбук на столе, бумаги разложены по папкам, на тумбочке — бутылка воды и стопка книг по финансам. Никаких личных вещей, никаких фотографий. Только функциональность.

— Присаживайтесь, — сказал Дмитрий, указывая на кресло у окна. — Кофе? Чай? Что-то покрепче?

— Кофе, чёрный, без сахара.

— Правильный выбор. — Он налил из турки — аромат разлился по комнате. — Слушайте, Ольга Александровна, я начал копать, и, признаться, даже я удивлён масштабом. Ваш муж — талантливый мошенник. У него выстроена целая система увода денег через фирмы-однодневки, подставных лиц и криптокошельки. Официально его компания показывает убытки уже три года. Но при этом Виктор купил себе новый внедорожник за двенадцать миллионов, квартиру в центре — о которой вы, кстати, не знаете? — и отправил свою любовницу Алису на отдых в Дубай. Всё это за «убыточный» год.

Ольга почувствовала, как к лицу приливает кровь. Квартира в центре? Дубай для Алисы? Пока она годами просила его поменять старый диван на кухне?

— Продолжайте, — сказала она спокойно, хотя внутри всё кипело.

— Я нашёл три объекта недвижимости, оформленных на его мать и двоюродного брата. При этом брат — алкоголик без определённых занятий, мать — пенсионерка. Они не могли купить эти квартиры на свои доходы. Сто процентов, это активы, выведенные из семейного

бюджета. Я подготовил запросы в Росреестр, чтобы подтвердить даты покупок и источники средств. Если докажем, что деньги были общие — эти квартиры тоже войдут в раздел имущества.

— А что с любовницей? — спросила Ольга. — У него есть подарки ей?

— Есть. Квартира в новостройке, о которой вы знаете. И машина — Мерседес С-класса, подарен на день рождения. Стоимость — около шести миллионов. Тоже, скорее всего, куплен за общие деньги. Я нашёл платёжное поручение с его счёта на счёт автосалона. Сумма совпадает.

— Шесть миллионов... — повторила Ольга. — А мне он два года не покупал новую шубу, потому что «дорого».

— И это не всё. — Дмитрий открыл другой файл. — Он брал кредиты в банках. Три миллиона, пять, ещё семь. И гасил их наличными из кассы фирмы — в обход налогов. По документам — кредит погашен за счёт доходов бизнеса, но в реальности бизнес эти кредиты не обслуживал. Это прямое доказательство вывода средств.

— И что нам это даёт?

— А то, что иск о разделе имущества можно расширить. Просить не пятьдесят или шестьдесят процентов, а семьдесят пять. И включить в него не только то, что вы знаете, но и то, что он спрятал. А ещё — потребовать компенсации морального вреда за измену. Да-да, в нашем законодательстве есть такое понятие. Не часто применяется, но в вашем случае — почему бы и нет?

Ольга откинулась на спинку кресла, чувствуя, как внутри нарастает странное, почти эйфорическое спокойствие. Она не просто мстила — она восстанавливала справедливость.

— Дмитрий, вы уверены, что мы всё это докажем в суде?

— Абсолютно. У меня есть связи с лучшими судебными экспертами в стране. Если документы подделаны — они увидят. Если деньги переведены — они найдут след. Ваш муж не первый такой, и, увы, не последний. Но его «увы» — наша «ура».

Он улыбнулся — той самой редкой, тёплой улыбкой, которая делала его суровое лицо почти красивым.

Вечером, после разговора с Дмитрием, Ольга чувствовала странную лёгкость.

Она заказала ужин в номер — салат, рыбу на пару, полбокала белого вина — и сидела у окна, глядя на ночной город. Огни машин, фонари, редкие прохожие. Всё как обычно, и всё по-другому.

Она вспомнила тот вечер, неделю назад, когда вошла в спальню и увидела чемодан и кружево. Тогда ей казалось, что мир рушится. Теперь она понимала — рушился не мир, а тюрьма, в которой она жила двадцать пять лет. И за стенами этой тюрьмы оказалось небо. Высокое, чистое, безграничное.

Телефон пикинул. Сообщение от Дмитрия: «Добрый вечер. Проверил ещё один счёт. Нашёл перевод на полмиллиона в чешский банк. Работаем дальше. Спокойной ночи».

Ольга улыбнулась. Какой-то невероятный, почти мистический факт: неделю назад она была одна, а теперь у неё были союзники. Адвокат-акула, финансист-детектив, тайные информаторы из стана врага. Команда, которая работала на её победу.

«Вы даже не представляете, на что способны», — написал он тогда. А может, она и представляла? Может, все эти годы внутри неё дремала та самая сила, которая сейчас просыпалась и потягивалась, как хищник после спячки?

Ольга допила вино, поставила бокал.

— Просыпайся, — сказала она себе вслух. — Охота началась.

На следующее утро Ольга проснулась от стука в дверь. Спокойного, вежливого — не как у менеджера с охранниками.

Она открыла — за порогом стояла горничная с огромным букетом белых роз.

— Вам доставили, мадам. От господина из семьсот восемнадцатого номера.

Ольга взяла букет, понюхала. Розы пахли так, как пахло её утро — свежестью, началом чего-то нового. В букете лежала записка, написанная ровным, твёрдым почерком:

«Ольга Александровна, доброе утро!

Вчера я нашёл ещё три подозрительные транзакции на общую сумму 2,3 миллиона рублей. Деньги ушли на счета, зарегистрированные в Кипре.

Поздравляю — ваш бывший муж не просто изменщик, но ещё и отъявленный финансист-подпольщик.

К завтрашнему дню подготовлю полный отчёт.

P.S. Розы — просто так. Потому что женщина должна просыпаться с цветами, даже в осаждённой крепости.

Дмитрий».

Ольга перечитала записку дважды. Потом поставила розы в вазу, которую нашла в шкафу, и долго смотрела на цветы, переливающиеся в утреннем свете.

«Просто так», — сказал он.

Мужчины не дарят цветы просто так. По крайней мере, те мужчины, которых она знала. Виктор дарил цветы только по праздникам и только потому, что «так принято». Красные розы на 8 Марта, тюльпаны на день рождения. Без души, без чувства, без «просто так».

А этот — белые розы в будний день, без повода. С запиской, в которой нет ни намёка на флирт, только забота и немного нежности.

Ольга поймала себя на мысли, что улыбается. По-настоящему, впервые за эту долгую неделю.

«Спасибо, Дмитрий, — написала она в ответ. — Цветы прекрасны. Как и новости. Жду отчёт».

«Будет вам отчёт, — ответил он через минуту. — И ещё кое-что. Я вчера разговаривал с вашим адвокатом, Ингой Валерьевной. Она произвела на меня впечатление. Говорит, что вы — лучшая её клиентка за последние годы. Что не ноете, не жалуетесь, а работаете как профессионал. Это редкость».

«Я не умею ныть. Это бесполезно».

«Согласен. Бесполезно. Кстати, у меня есть идея: в четверг вечером я приглашаю вас на ужин. В ресторан при отеле. Не как свидание — как деловая встреча. Обсудим стратегию. Идёт?»

Ольга задумалась. Деловая встреча в ресторане. Звучало безопасно. Профессионально. Ни к чему не обязывающе.

Но сердце почему-то билось быстрее.

— Хорошо, — ответила она. — В четверг в семь. Я буду готова.

Она убрала телефон и подошла к зеркалу.

Сорок пять лет. Растерянная женщина с кругами под глазами неделю назад — и та, кого она видела сейчас. Глаза блестят, на губах — едва заметная, но уверенная улыбка. Волосы блестят, кожа свежая. Она словно помолодела на десять лет.

«Это потому, что я больше не его жена, — подумала она. — Я просто я. И это лучшее, что со мной случилось».

Телефон снова завибрировал. На этот раз — сообщение от неизвестного номера с фотографией.

Ольга открыла — и увидела Алису.

Молодая, красивая, с длинными светлыми волосами, в облегающем красном платье, сидит на коленях у Виктора в каком-то ресторане. Его рука лежит на её голой спине. Оба смеются, пьют шампанское.

Под фото — подпись: «Привет, Ольга. Это я, Алиса. Твой муж теперь мой. Смирись и уходи по-хорошему. Денег мы тебе не отдадим. Так что не строй из себя жертву. Ты проиграла».

Ольга посмотрела на фотографию. На улыбающуюся морду Алисы. На самодовольное лицо Виктора.

Ей не было больно. Ей было смешно.

Она сделала скриншот сообщения, сохранила фото, отправила адвокату и Дмитрию. А потом набрала ответ Алисе:

«Дорогая, спасибо за фото. Я сохраню его для суда — как доказательство супружеской измены. Кстати, квартира в новостройке, которую тебе обещал Виктор, уже внесена в опись имущества, подлежащего разделу. Так что готовься переезжать.

P.S. Он и тебе изменит. Через пару лет, когда надоешь. Это его стиль. Выучи урок, девочка».

Ответа не последовало.

Ольга выключила телефон, улыбнулась своему отражению и пошла принимать душ.

Впереди был важный день.

Глава 3

Идея пришла к Ольге внезапно, как удар молнии — в два часа ночи, когда она не спала, пересматривая финансовые отчёты, присланные Дмитрием.

Она сидела в номере отеля, закутавшись в пушистый халат, с чашкой зелёного чая, который давно остыл. За окном шумел ночной город — редкие машины, сирена где-то вдалеке, ветер, который гонял по улицам первые ноябрьские листья. На экране ноутбука мелькали цифры, графики, таблицы. Дмитрий был дотошен — он не просто находил подозрительные транзакции, он выстраивал из них стройную систему, настоящую карту финансовых преступлений Виктора.

Но мысли Ольги были далеко от цифр.

Она думала об Алисе.

Не с ненавистью — ненависть была слишком горячей и разрушительной эмоцией, а Ольга не могла позволить себе разрушаться. Она думала о ней как о элементе системы. Фигуре на шахматной доске. Пешке, которую Виктор использовал, но которая могла стать ферзём — если правильно её повернуть.

Алиса была слабым звеном. Ольга поняла это, когда получила то дурацкое сообщение с фотографией. «Смирись и уходи по-хорошему. Денег мы тебе не отдадим». Какой наивный, какой детский ход! Алиса не просто хвасталась — она боялась. Она боялась, что Ольга не сдастся, что она будет бороться, что Виктор в этой борьбе может потерять деньги, квартиру, статус — а значит, и сама Алиса останется у разбитого корыта.

Страх делает людей уязвимыми.

Ольга закрыла ноутбук, отставила чашку и долго смотрела в потолок, обдумывая план.

Она должна была встретиться с Алисой. Не для того, чтобы устроить скандал — это было бы ниже её достоинства и сыграло бы на руку Виктору. Он бы сказал: «Видите, она истеричка, она набросилась на бедную девочку». Нет. Она должна была встретиться с ней как женщина с женщиной. Спокойно, с достоинством, и сделать то, чего Алиса меньше всего ожидала: не напасть, а... принять. Выслушать. Даже, возможно, посочувствовать.

Потому что сочувствие — это оружие. Это бомба замедленного действия, которая взрывается не сразу, а через недели, месяцы, когда начинает грызть изнутри.

Ольга взяла телефон. Было два пятнадцать ночи, но она знала, что Серебрякова не спит — адвокат работала по ночам, как сова.

«Инга Валерьевна, — написала она, — у меня есть идея. Хочу пригласить Алису на разговор. Не официальный, а так, по-женски, в ресторане. Никаких угроз, ничего юридического. Просто поговорить. Как думаете, это повредит делу?»

Ответ пришёл через три минуты:

«Ольга Александровна, вы меня удивляете всё больше. Обычно клиентки хотят выцарапать любовнице глаза. А вы — поговорить. Это не повредит, если будете осторожны. Включите диктофон — пусть записывает. Если она что-то скажет компрометирующее, используем в суде. Но главное — не дайте ей спровоцировать вас на эмоции. Вы — королева. Она — пешка. Не забывайте свою роль».

«Не забуду. Спасибо».

Ольга убрала телефон и, на удивление легко, заснула. Ей снился ресторан, белые скатерти, дорогое вино в бокале, и напротив — красивая молодая женщина, которая смотрит на неё с недоумением и... завистью. Да, завистью. Потому что у Ольги было то, чего Алиса никогда не получит: достоинство.

Ольга решила не тянуть.

Утром она нашла Алису в социальных сетях — это было нетрудно, девушка не скрывала свою жизнь: открытый профиль, сотни фотографий, сторис из дорогих ресторанов, спа-салонов, фитнес-клубов. Везде одна и та же картинка: красивая, ухоженная, с пустыми глазами человека, который пытается заполнить чем-то внутреннюю пустоту.

Ольга написала ей в личные сообщения:

«Алиса, доброе утро. Это Ольга Володина. Не бойтесь, я не собираюсь на вас кричать или угрожать. Я хотела бы пригласить вас на разговор. Спокойный, честный разговор, как женщина с женщиной. Ресторан "Белый лебедь", завтра в семь вечера. Я угощаю. Если не хотите — просто не отвечайте. Никаких последствий не будет. Ольга».

Она отправила сообщение и закрыла ноутбук. Ответа она не ждала быстро — скорее всего, девушка будет советоваться с Виктором или просто испугается. Но Ольга знала женскую психологию: любопытство победит страх. Алиса придёт. Потому что ей будет интересно — что может сказать ей брошенная жена? О чём они могут говорить?

Ответ пришёл через два часа:

«Хорошо. Приду. Но предупреждаю: если вы устроите скандал, я сразу уйду. И мой адвокат будет знать о каждом вашем слове».

Ольга усмехнулась. «Мой адвокат». Какая смешная девочка. Думает, что жизнь — это сериал, где у каждого есть свой юрист. Она даже не понимает, что Виктор не будет тратить на неё деньги на адвоката — он слишком экономен для этого, если речь идёт не о нём самом.

«Договорились. Никаких скандалов. Только честный разговор. Жду вас. Ольга».

В день встречи Ольга была спокойна. Она не волновалась, не тряслась, не прокручивала в голове варианты развития событий. Она просто знала: всё идёт по плану.

Она выбрала наряд — тёмно-зелёное платье в пол, с длинными рукавами и умеренным декольте. Не вызывающее, но дорогое. Туфли-лодочки на удобном каблуке. Волосы распустила, макияж — естественный, только подчеркнуть глаза и губы. Минимум украшений: тонкая платиновая цепочка (та самая, которую дарил Виктор на двадцатилетие свадьбы — ирония судьбы, но Ольга решила её оставить, чтобы напомнить себе, откуда она ушла) и маленькие бриллиантовые серьги, которые она купила сама в прошлом году на свой гонорар.

Она смотрелась в зеркало и видела женщину, которую не стыдно показать. Не жертву. Не истеричку. А состоявшуюся, самодостаточную личность, с которой считаются.

Диктофон — маленький, почти незаметный — лежал в сумочке, включённый и готовый к записи. Ольга проверила его дважды.

Ресторан «Белый лебедь» находился в десяти минутах от отеля. Ольга решила пойти пешком — вечер был прохладным, но безветренным, и прогулка помогала собраться с мыслями. Она шла по освещённым улицам, смотрела на витрины магазинов, на людей, спешащих по своим делам, и чувствовала себя... спокойно. Удивительно, но внутри не было ни злости, ни напряжения. Только холодная, ясная решимость.

В ресторане она заказала столик у окна — на видном месте, но так, чтобы их никто не подслушивал. Попросила у официанта бутылку дорогого красного вина — итальянское, Брунелло ди Монтальчино, цена — заоблачная. Но Ольга хотела, чтобы этот жест говорил сам за себя: она не бедная брошенная жена, которая экономит на всём. Она — женщина, которая может позволить себе угощать свою соперницу лучшим вином в городе.

Алиса опоздала на двадцать минут.

Ольга не нервничала. Она спокойно пила минеральную воду, смотрела в окно на прохожих. Когда девушка наконец вошла — запыхавшаяся, немного растерянная, с телефоном в руке, — Ольга поднялась ей навстречу с вежливой, почти дружелюбной улыбкой.

— Здравствуйте, Алиса. Присаживайтесь. Вы прекрасно выглядите.

Алиса действительно выглядела хорошо.

Дорогое чёрное платье, идеальный макияж, волосы уложены в сложную причёску. На пальце — крупное кольцо с бриллиантом, явно подарок Виктора. Она была красива той яркой, броской красотой, которая привлекает внимание в ресторанах и на светских мероприятиях. Но в её глазах читалась неуверенность. Она не знала, чего ожидать от этой встречи, и это делало её уязвимой.

— Спасибо, что согласились прийти, — сказала Ольга, когда официант подал меню. — Вы голодны? Здесь отлично готовят морепродукты. Я рекомендую гребешки с трюфельной пеной.

— Я... да, спасибо, — Алиса взяла меню, но смотрела не в него, а на Ольгу. — Я не ожидала... вы так спокойны.

— А чего вы ожидали? — Ольга подняла бровь. — Что я буду кричать, бросаться на вас с кулаками, плевать в лицо? Я не такая. И никогда не была такой.

— Я... не знаю. — Алиса опустила глаза. — Виктор говорил...

— Виктор много чего говорит, — перебила Ольга мягко. — Но не всё, что он говорит, правда. Давайте закажем вино. Я взяла на себя смелость выбрать Брунелло — очень достойное. Если вы, конечно, пьёте красное.

— Пью... Да.

Официант принёс вино, открыл, налил в бокалы. Ольга подняла свой, посмотрела на Алису.

— За честный разговор. Без масок, без игр. Хорошо?

Алиса неуверенно подняла бокал, чокнулась, сделала глоток.

— Хорошо.

— Вот и отлично, — Ольга откинулась на спинку стула. — Тогда начнём. Вы, наверное, думаете, зачем я вас позвала. Чтобы поплакаться в жилетку? Чтобы выпросить назад мужа? Или чтобы угрожать? Отвечу сразу: ни то, ни другое, ни третье. Я позвала вас, чтобы поговорить по-женски. Потому что мы с вами, хотим мы того или нет, связаны одним мужчиной. И я подумала: почему бы не поговорить открыто, без посредников? Тем более что Виктор вам всё равно не расскажет всей правды. О себе он рассказывает только хорошее. А плохое — ну, мы скоро сами узнаете.

Алиса напряглась. Её пальцы сжали бокал.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что двадцать пять лет брака кое-чему меня научили. Я знаю Виктора лучше, чем он сам. Знаю его привычки, слабости, страхи. Знаю, что он говорит, когда злится. Знаю, что он делает, когда ему скучно. И я хочу поделиться с вами этими знаниями. Не из мести. А из... солидарности, что ли. Мы же женщины, Алиса. Мы должны помогать друг другу, а не грызться за мужчин, которые того не стоят.

Алиса молчала. В её глазах металась буря — от недоверия до любопытства, от страха до любопытства.

— Виктор говорит, что вы — стерва и истеричка, — наконец сказала она. — Что вы его пилите двадцать пять лет, что он с вами намучился.

— Конечно, говорит. — Ольга усмехнулась. — А что ему ещё говорить? Признаться, что он сам виноват в развале брака? Что он изменял мне не один раз, а много? Что он уходил в запой и я его вытаскивала? Что он проигрывал деньги в казино, а я платила по долгам? Вы этого не знали, правда?

Алиса побледнела.

— Про казино... я не...

— Он вам не рассказывал. — Ольга сделала ещё глоток вина. — И про запой не рассказывал. И про то, что наша дочь перестала с ним разговаривать из-за того, как он со мной обра-

щался. И про то, что его собственный брат не общается с ним уже пять лет. А почему? Потому что он подставил брата в бизнесе, оставил без денег, без работы. Вы знаете об этом?

— Нет... — Алиса выглядела так, будто её ударили по голове. — Он говорил, что у него сложные отношения с родственниками, но...

— «Сложные отношения» — это мягко сказано, — перебила Ольга. — У него сложные отношения со всеми, кто перестал быть ему полезен. Вот вы сейчас — полезны. Вы молодая, красивая, с вами приятно появляться в обществе. Вы удовлетворяете его самолюбие. Но через полгода, когда новизна пройдёт, когда он привыкнет к вашему телу, к вашему смеху, к вашему обществу — ему станет скучно. И тогда он начнёт искать новую. Или просто забудет про вас, уйдя в работу, в казино, в запой. Вы будете сидеть дома одна, смотреть телевизор и ждать, когда он соизволит обратить на вас внимание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.